

Глава 4. Фруктовый напиток (Часть 2)

—

Лето в уезде Цинчи баловало местных жителей в основном персиками да абрикосами, другие же фрукты встречались редко. И хотя Цинчи считался северным уездом, он лежал довольно близко к южным землям, так что купцы и обозы с товарами сновали туда-сюда без конца.

Южные плоды портились быстро, и торговцы, чтобы не везти гниль, часто распродавали то, что начинало перезревать, прямо в пути. Продать подешевле и выручить хоть какую-то монету было куда разумнее, чем дожидаться, пока товар окончательно сгниет на руках.

Благодаря этому Цзи Жунся и раньше доводилось лакомиться южными дарами.

Вот только стоили они куда дороже местных, так что много есть их ему не приходилось.

И сейчас он с первого же укуса безошибочно признал вкус апельсина.

— До чего же вкусно! Танцзинь, а у тебя с каким вкусом была? — с любопытством спросил Цзи Жунся.

— Тот, что достался мне, похож на виноград, но вкус какой-то необычный, — с улыбкой ответил Гу Танцзинь. — Думаю, эти леденцы различаются по цветам: у каждого цвета свой плод.

Супруги переглянулись, тихонько шмыгнули обратно в комнату, достали огромный кулек и принялись пробовать карамель каждого цвета по очереди.

— Это со вкусом сливы, это — персик, вот это — абрикос, тут — апельсин, а это — личи. А вот эти я что-то никак не признаю, — Цзи Жунся разложил сладости на две кучки: в одну отложил те, что сумел распознать, в другую — все остальные.

Гу Танцзинь рассудил:

— Те, вкус которых нам неведом, оставим дома для себя.

— Ладно. Я сейчас же сбегаю на рынок за фруктами, давай прямо сегодня приготовим фруктовые напитки на пробу, как думаешь? — Цзи Жунся по природе своей был деятельным: стоило какой мысли прийти в голову, как он тут же кидался исполнять, будто сил у него было нескончаемое множество.

Гу Танцзиню как раз и нравилась эта его живая черта, так что разве мог он отказать?

— Хорошо, утренний рынок еще не разошелся, я пойду с тобой.

— И не думай! Если мы оба уйдем, родители проснутся и, не найдя нас, разволнуются. Ты оставайся. Я напек лепешек с зеленью и оставил у очага. Если отец с матушкой встанут, вы поешьте сначала, меня не ждите. Я быстро! — Цзи Жунся мигом припрятал леденцы и в два счета раздал Гу Танцзиню поручения.

Гу Танцзинь подумал, что он прав, нехорошо заставлять родителей тревожиться. Ему лишь осталось отсчитать Цзи Жунся сорок вней и наказать возвращаться поскорее.

В кошельке у молодых супругов водились монеты, что Гу Танцзинь за эти годы скопил за переписывание книг и продажу свитков, а также то, что Цзи Жунся выручил за свои вышивки,

да еще родители с обеих сторон поднесли им серебра на свадьбу. Они уже все дотошно подсчитали: общие сбережения составляли ровно семь лянов, пять цяней* и тридцать пять вэней. Супруги твердо условились, что впредь Цзи Жунся станет учиться кулинарии и заправлять делами у очага, а Гу Танцзинь возьмет на себя приход денег и ведение счетов.

[*Цянь (斤, qián) – мера веса и денежная единица, которая составляет десятую часть ляна и эквивалентна 100 вэням.]

Цзи Жунся сгреб медяки, наскоро собрался и выбежал со двора.

В уезде Цинчи на востоке города раз в пять дней раскидывался большой рынок, а каждые три дня собирался малый. Сегодня как раз был день малого рынка.

Цзи Жунся придирчиво отобрал персики, абрикосы да сливы — этих трех видов плодов на рынке сейчас было больше всего, как раз наступила пора сбора урожая. Всего за две-три монеты можно было набрать целую гору. Цзи Жунся шел с большой корзиной и набил ее до самых краев.

Он стремительно ушел и столь же стремительно вернулся. Гэ фулан из кондитерской лавки семьи Лю, что соседствовала с рестораном семьи Гу, как раз заметил, как новоиспеченный фулан пулей влетел в ворота. Он хотел было окликнуть да разузнать, что это Ся-гэр тащит в такой огромной корзине, но тот мчался так быстро, что сосед даже рта раскрыть не успел.

— И куда это Ся-гэр так несется, точно на пожар, — пробормотал про себя Гэ фулан.

Цзи Жунся, едва переступив порог дома, плотно припер дверь и взволнованно спросил выбежавшего навстречу Гу Танцзиня:

— Танцзинь, родители еще не вставали?

— Нет еще. Мы сегодня поднялись слишком уж рано.

Если говорить точнее, Гу Танцзинь и вовсе глаз не смыкал, поднявшись на ноги, едва забрезжил рассвет. А Цзи Жунся, услышав его шаги, тоже махом соскочил с постели. Ну как тут не быть раннему часу?

— Тогда я принимаюсь за фруктовый напиток, а ты помогай!

— Не суетись. Я сперва вымою плоды, а ты ступай разведи сахарную воду, горячая вода как раз на плите, — Гу Танцзинь забрал у него тяжелую корзину, успокаивая фулана.

Цзи Жунся лучезарно улыбнулся — уж такой у него был нрав, загорится делом — не остановишь.

Он прошел на кухню, залил леденцы кипятком, чтобы они растворились, а затем опустил кувшин в колодезную воду для охлаждения.

Горячая вода для фруктового питья не годилась, куда вкуснее выходило, когда колодезную прохладную воду смешивали со свежей мякотью.

Прежде он таких напитков отродясь не готовил, поэтому мог делать их только наобум, по собственному усмотрению. Пока сахарная вода остывала, они с Гу Танцзинем дочиста срезали

кожицу с персиков, абрикосов и слив, а саму мякоть измельчили мелкими кусочками.

Сперва Цзи Жунся соотнес вкусы плодов и карамели один к одному: персиковую мякоть залил персиковой водой, сливовую — сливовой, а абрикосовую — абрикосовой.

Сливы и абрикосы попались с кислинкой, так что сладкой воды пришлось добавить побольше, иначе пить было бы невозможно, а вот в персиковый напиток сладости ушло поменьше.

Закончив с этим, Цзи Жунся вошел во вкус. Ради забавы он принялся без разбору смешивать все три вида сладкой воды и разные кусочки фруктов, сотворив несколько бамбуковых стаканчиков с «ассорти».

Увидев это, Гу Танцзинь с улыбкой заметил:

— Если такое смешение вкусов окажется приятным, то и те леденцы, вкус которых нам неясен, можно будет понемногу добавлять в общую массу.

Цзи Жунся с полуслова понял задумку мужа и закивал:

— И то правда! Если все так перемешать, никто и не догадается, что вкус какой-то чудной.

Пока они увлеченно спорили да подбирали сочетания, на столе незаметно выстроилось около двух десятков бамбуковых стаканчиков с напитком! Благо в их ресторанчике этой посуды было в избытке, так что они не беспокоились о нехватке посуды.

Яо Тяньлань и Гу Чуньцай только-только проснулись и вышли во двор, как им навстречу с сияющими лицами выкатились сын с Ся-гэрмом, бережно неся в руках по бамбуковому стаканчику.

— Это что же? Неужто сегодня молодые решили поднести нам с отцом воды для утреннего омовения рта? — с улыбкой поддразнила их Яо Тяньлань.

Гу Чуньцай тоже редкостно поддержал шутку:

— Ну нет, у нас семья скромная, простые люди, к таким господским порядкам не привыкшие.

Цзи Жунся звонко рассмеялся:

— Отец, матушка, мы ведь вчера сговорились, что впредь станем вдвоем утренней торговлей заниматься? Вот мы с Танцзинем и принялись перебирать наши сундуки, чтобы пересчитать монеты. Танцзинь отыскал среди своих вещей сверток с сахаром, который он еще из столицы префектуры привез. В те дни суматоха стояла, руки не доходили разобрать, а сегодня вот наткнулись. Я поднялся поутру да и приготовил на этом сахаре фруктового напитка, отведайте-ка.

— Ах вы, а я-то думала, что стряслось, стоите тут, дожидаетесь, — Яо Тяньлань растрогалась от такого почтения. Помня, что сваты живут в этом же городе, она ласково добавила: — Ты как освободишься, отлей немного да отнеси своим родителям, пусть тоже снимут пробу. А то как в полдень двери отворим, тебе уж точно не до прогулок будет.

Видя, какими почтительными растут дети, Яо Тяньлань не могла нарадоваться. В семьях у них народу было мало, и чем крепче они станут держаться друг за друга, тем меньше чужаки посмеют их обижать.

— Хорошо, матушка! — звонко и радостно отозвался Цзи Жунся.

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань наскоро умылись и приняли из рук молодых бамбуковые стаканы.

Яо Тяньлань поначалу ничего особенного не ждала. Живя при муже-поваре, она повидала немало хороших блюд, да и сама поесть любила, так что вкус у нее был изнеженный и разборчивый.

Но едва этот фруктовый напиток коснулся ее языка, как она замерла от удивления. Сахарная вода была на редкость чистой, медово-сладкой, без какого-либо постороннего привкуса. А природный аромат персиковой мякоти не только не затерялся за сладостью, но, напротив, раскрылся еще ярче и сочнее.

— Хороши персики, вкус на редкость густой. И будто сливой слегка отдает, — со знанием дела оценил Гу Чуньцай. — И сладость в самый раз: не приторно и не кисло, рот освежает.

Гу Чуньцай остался весьма доволен умением Ся-гэра. Обычное фруктовое питье, если с ним не умеючи обойтись, часто выходило с кислинкой или горчило, а переложить сахара — станет приторным. К тому же в простом сахаре всегда полно примесей, отчего питье оставляет липкий, неприятный след на губах, а тут — чистота и свежесть.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь переглянулись.

Да где там «персики хороши»! Это сама сахарная вода изначально шла с персиковым вкусом, а свежие кусочки плодов лишь послужили красивым украшением.

Яо Тяньлань напиток так пришелся по душе, что она осушила стакан до самого дна. Опуская посуду, она наставительно произнесла:

— Сначала за стол, нужно поесть. Раз уж вы задумали утренней торговлей заняться, пора бы и день выбрать для почина. Я гляжу, на кухне у вас этого питья без счета наготовлено, вы как поедите — разнесите-ка по стаканчику соседям. Тот, кто отведал твоего угощения, плохим словом не помянет. В торговле добрососедские связи — первое дело, их беречь надо.

К тому же, если раздать напиток соседям, то и визит Ся-гэра к родне не вызовет косых взглядов — никто не посмеет судачить, будто молодой фулан втихомолку таскает добро из дома мужа в отчий дом. Яо Тяньлань сама всю жизнь прожила невесткой и прекрасно знала эти житейские тонкости.

— Слушаюсь, — отозвался Цзи Жунся.

Гу Танцзинь вынес лепешки с зеленью и расставил на обеденном столе:

— Тогда я пойду с тобой, разнесем вместе.

— Угу. Будем идти не спеша, — Цзи Жунся помнил про хроющую ногу мужа. Соседи хоть и помалкивали при них, но то и дело украдкой косились на левую ногу Танцзиня. Он знал, что Танцзинь давно привык и не обращает внимания на чужие взгляды, но самому ему было больно за мужа.

Закончив с завтраком, Гу Танцзинь и Цзи Жунся взяли каждый по корзине и отправились разносить фруктовый напиток по соседним лавкам.

— Дядюшка Гэ, мы сегодня фруктового питья приготовили с избытком, примите от нас пару стаканчиков на пробу, — со светлой улыбкой обратился Цзи Жунся, подавая угощение.

Разве мог Гэ фулан сказать что-то дурное в ответ? Он тоже расплылся в улыбке:

— Ой, ну к чему такая щедрость! Заходите в дом, посидите сперва.

— Спасибо, дядюшка, нам еще к тетушке У и остальным заглянуть надо, так что не станем задерживаться. Да, к слову, дядюшка Гэ, мы тут через пару дней собираемся у дверей нашего ресторанчика выставить стол для утренней торговли. Будем только мы с Танцзином вдвоем стоять, понемногу едой торговать, отец с матушкой в этом деле не участвуют, это наша собственная торговля. Вот мы, боясь осрамиться с непривычки, принялись заранее руку набивать, да ненароком сахарной воды лишнего наварили. Вы уж пейте, коли не брезгуете.

В этих нескольких словах Цзи Жунся умудрился разом выложить и причину, и время, и все подробности дела.

Гэ фулан, выслушав его, сразу все смекнул. Их собственное заведение торговало сладостями и выпечкой, так что утренняя лавка молодых соседей их делу никак не мешала. Напротив, если стряпня у молодых окажется хороша, так ему самому за завтраком далеко ходить не придется. На душе у соседа стало любопытно.

— Ой, ну раз так, я в назначенный день обязательно приду поддержать ваш почин! — весело пообещал Гэ фулан.

Гу Танцзинь и Цзи Жунся обходили дом за домом и в два счета раздали всю фруктовую воду. После этого, пользуясь тем, что до открытия ресторанчика еще оставалось время, Цзи Жунся решил проведать родной дом. Гу Танцзинь на этот раз с ним не пошел — он понимал, что молодому фулану наверняка захочется посекретничать с родителями, а его присутствие лишь заставит всех стесняться да подбирать слова.

На юге города двор семьи Цзи едва достигал размеров ладони. В этом крошечном дворике к тому же соорудили навес, отчего места казалось еще меньше. Впрочем, бревна, доски и плотницкий инструмент лежали чинно и ровно, так что беспорядка не было.

В доме семьи Цзи было всего три комнаты. Главный зал старая ширма делила на две половины: северная часть служила для приема гостей, а на южной стояли кровать да шкаф — там и была спальня родителей Цзи Жунся. Окна главного зала выходили прямо на улицу, у проемов висели вывески, так что передняя часть комнаты заменяла им лавку. Отец с братом частенько уходили с инструментами по уезду, чтобы привлечь клиентов, а в свободное время мастерили шпильки для волос, палочки для еды, бамбуковые тубусы и прочие мелочи, которые тоже пускали в продажу ради лишней монеты в дом.

В восточной комнате жил старший брат Цзи Жунся со своим фуланом, а западную комнату раньше занимал сам Цзи Жунся.

Когда живешь в такой «кроличьей норе», каждый цунь* земли приходится рассчитывать с великой точностью. В городе ведь за каждую охапку дров да за каждый глоток воды надо платить звонкой монетой, так что теснота жилья — это еще полбеды.

[*Цунь — это традиционная китайская мера длины, один цунь равен 1/30 метра или примерно 3,33 см.]

Хун Юэлянь, увидав, что ее младший вернулся, с удивлением вышла на порог:

— Ты ведь только на третий день после свадьбы к нам приходил, неужто стряслось чего?

Сын ведь занят учебой у плиты, дел у него должно быть невпроворот.

— Матушка, да я просто заскочил вещь одну отдать. Вот, принес фруктового напитка собственного приготовления. Отдам и сразу назад, к работе возвращаться, — Цзи Жунся заглянул внутрь дома: — А где отец, брат и его фулан? Я хотел, чтобы они тоже отведали.

— Так у семьи Чжао с западной окраины дочка замуж выходит, они твоему отцу заказали сундук под кровать сработать. Отец с братом как раз ушли заказ сдавать, только-только за ворота вышли. Может, подождешь немного? Они скоро вернуться, — вымолвила Хун Юэлянь.

— Нельзя, матушка, в полдень ресторан открывается, мне еще овощи к обеду крошить. Я как-нибудь в другой раз вкусного наготовлю да принесу, не может же быть, чтобы мы всякий раз разминулись. Не настолько же я невезучий! — отшутился Цзи Жунся.

— Тьфу-тьфу-тьфу на тебя! Ишь, болтает, замуж вышел, а ума не нажил, язык без костей. Ты в прошлый раз сказывал, будто свекор вызвался тебя кулинарному делу обучить, ну и как успехи? — Хун Юэлянь все еще сокрушалась и переживала, хорошо ли живет ее младшему в чужом доме.

— Свекор ко мне добр. Вот только я ведь только-только за дело взялся, пока лишь приправы различать учусь да нож держать. Пару раз уже пальцы порезал, экий я неуклюжий, — Цзи Жунся с этими словами вытянул руки и показал ладони матери.

Хун Юэлянь придирчиво осмотрела его пальцы и, убедившись, что порезы совсем пустяковые и мелкие, с легким сердцем шлепнула его по руке:

— А ты как думал? Обучение ремеслу легким не бывает. Ладно, ступай обратно скорее. Мало того, что гостинцы из дома мужа тащишь, так еще и прохлаждаешься тут, неровен час — люди судачить станут.

— Ну уж нет, я не уйду, пока своими глазами не увижу, как ты, мама, выпьешь этот напиток! — с азартом уперся Цзи Жунся.

— Взрослый ведь уже, а все как дитя малое, — ворчливо отозвалась Хун Юэлянь, но все же вытянула из корзины один бамбуковый стаканчик и сделала большой глоток.

Ее глаза мгновенно заблестели. Напиток оказался прохладным, сладким, с приятной кислинкой и ярким, густым ароматом абрикоса.

— И впрямь ты сам приготовил? Отчего же так вкусно, неужто свекор руку приложил? — изумилась Хун Юэлянь.

— Мама, ну что за слова! Пусть вкус хорош во многом оттого, что припасы знатные попались, но ведь и я приложил все свое старание! — Цзи Жунся гордо подпер бока руками.

— Ладно-ладно, верю, — рассмеялась Хун Юэлянь. — Теперь-то у меня от сердца отлегло. Раз у тебя за пару дней мастерство так в гору пошло, значит, впереди тебя ждут только светлые и сытые дни.

Она сделала еще несколько глотков, и на душе у нее стало сладко-сладко. Видя, что матери угощение пришлось по нраву, Цзи Жунся со спокойной душой отправился в обратный путь.

В тот день, едва ресторанчик в полдень распахнул свои двери, к ним на порог снова заглянул Гэ фулан. Он принялся выпрашивать, не пустят ли они в продажу тот утренний фруктовый напиток — мол, внук с самого утра извелся, плачет и требует еще, вот ему и пришлось, отбросив стыд, прийти с поклоном.

Гу Танцзинь, сидевший за конторкой и ведавший счетами, честно ответил, что в обеденные и вечерние часы этот напиток подаваться не будет, купить его можно будет строго во время утренней торговли.

Гэ фулану ничего не осталось, как пообещать прийти через пару дней.

Вслед за ним один за другим потянулись и другие знакомые с округи, желая купить диковинного питья, так что Гу Танцзиню пришлось без конца повторять одни и те же слова.

Позади остался хлопотный день. Наступила ночь. Цзи Жунся лежал на постели, а Гу Танцзинь крепко держал его за руку, охраняя его покой.

— Ну... я попробую проверить, пустит ли меня туда снова, — захлопал ресницами Цзи Жунся, чувствуя легкую робость.

Гу Танцзинь крепче сжал его пальцы:

— Угу. Я буду здесь, буду стеречь тебя.

Услышав это, Цзи Жунся окончательно успокоился. Он прикрыл глаза, мысленно пожелав перенестись в то диковинное пространство. С этими мыслями он постепенно провалился в глубокий сон.

[Обнаружен вход целевого хозяина в системное пространство!]

[Система Бога Кулинарии успешно активирована. Тренировочное пространство к вашим услугам!]

—

<http://bllate.org/book/17885/1712280>